

«ЖЕСТОЧАЙШИМ ОБРАЗОМ ПОШЛИ ПОХОДОМ НА ДРЕВНОСТЬ». Л. Ф. ЗУРОВ О ПРОЕКТАХ РЕСТАВРАЦИИ И ЗАСТРОЙКИ ПСКОВА В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В работе анализируются взгляды Л. Ф. Зурова на методы реставрации Псковского Кремля и создание охранных исторических зон, высказанные им в переписке с советскими учеными и писателями. Источниками служат архивные материалы, часть которых впервые вводится в научный оборот. Приводятся также оценки Зуровым книг о древнерусском искусстве, вышедших на рубеже 1960-х годов.

Ключевые слова: русское зарубежье, древнерусская архитектура, реставрация памятников, Л. Ф. Зуров, В. И. Малышев, В. В. Косточкин, Л. И. Раковский, Н. П. Смирнов.

Судьба Леонида Федоровича Зурова неразрывно связана с Псковским краем. Здесь, в городе Острове, Зуров родился, провел детство и юность. Здесь вступил в ряды Северной армии, сражался, был дважды ранен. Любовь к родной Псковщине не ослабевала на чужбине. До войны он совершил несколько археологическо-этнографических экспедиций в сопредельные с Псковским краем районы Прибалтики, реставрировал церкви

Рис. 1. Мемориальная доска, установленная в г. Острове в 2012 г.

в Псково-Печерском монастыре, публиковал статьи и заметки об истории этих мест. Псков стал доминантой и художественного творчества Зурова. Известность молодому писателю принесла повесть «Отчина» (1928), в которой город предстает как «чудный град, окруженный стенами, довершенный Детинцем и увенчанный золотыми соборными куполами». Псковщина — место действия романов «Древний путь» (1934) и «Поле» (1938), и в последней повести «Иван-да-Марья» возникает образ Пскова в канун Первой мировой войны. «Повесть эта, — пишет А. Жихаревич, — исполнена огромной любви и уважения по отношению к древнему городу, где происходят события, и является, пожалуй, наиболее “псковским” из произведений русской литературы» [4]. Зуров воспринимал город как важный узел русской истории, в его книгах выражен, по словам А. В. Громовой, «государственно-исторический пафос в описании Пскова, с ним связана идея сакральности русской жизни» [3, с. 177].

В послевоенные годы Зуров вел обширную переписку с российскими филологами, архитекторами, искусствоведами — В. И. Малышевым, В. В. Косточкиным, Г. И. Рабиновичем, П. А. Раппопортом, В. В. Седовым, Т. Н. Михельсон. Главной темой писем стали исторические древности Псковской земли. Корреспонденты проявили живой интерес к экспедициям и статьям Зурова — археолога и этнографа, благодарили за ценные детали, уточнения, замечания. Это общение отражено в издании, подготовленном А. Ю. Пономаревым [8].

Когда началось возрождение пострадавших от войны городов, Зуров внимательно следил за ходом восстановления Пскова. Методы реставрации Детинца и планы застройки города вызвали у него тревогу. Зуров озабочен искажением исторического облика древностей, стремлением придать им завершенный и безупречный вид, который превращает памятник в новодел. Впервые обеспокоенность судьбой псковского Детинца он высказал в письме архитектору В. В. Косточкину¹ от 5 июля 1958 г., когда познакомился с заметкой И. Пиккиева «Реставрация Псковского кремля». Его смущали фразы: «Недалек тот день, когда <...> вновь засверкает белоснежный Кремль, окруженный зеленью садов. Под ним <...> протянется новая набережная, соединенная широким каменным спуском со зданием кинотеатра, строящегося на Советской площади» [16]. «Разве в древности псковский Детинец² был окружен зелеными садами?», — задает риторический вопрос Зуров, опасаясь, что в Пскове произойдет то же, что случилось в Изборске, где искажен «древний, оголенный и суровый крепостной изборский пейзаж» [8, с. 64]. Да и эпитет «белоснежный» внушает тревогу: «Если реставраторы восстановят, обмажут и побелят... стену <и> башню, что выходит на Великую и Пскову, то этих реставраторов европейские ученые справедливо обвинят в варварском отношении к памятникам народной древности» [8, с. 67–68]. Нужно оставить «голый камень, в этом сила, седая древность и мощь» [8, с. 69].

В переписке с архитекторами и историками выявляются взгляды Зурова на искусство реставрации. Главнейшие качества, которыми, как полагал Зуров, должен обладать реставратор, — вкус, художественное чутье, органическое чувство древности и исторического пейзажа, внутреннее усвоение народных зодческих традиций. «Когда я смотрю на тщательно вычерченные архитекторами проекты реконструкции — холодные чертежи, сделанные по линейке, — часто я вижу, что архитектор не является художником. <...> Ведь в древности не любили безукоризненно прямых линий, <...> прямая линия мертва. <...> Таково ощущение красоты у нашего народа и его древних мастеров. <...> Русское зодчество нас очаровывает своими живыми неровностями» (из письма В. Косточкину от 26 апреля 1960 г.) [8, с. 68].

Не раз в своих письмах Зуров горячо отстаивает идею самобытности псковского храмоздательства, не терпящего «прямых линий». В качестве символа бездушного отношения к реставрации он использует образ «линейки». Скорее всего, этот образ, как и мысли о своеобразии зодчества Пскова, Зуров почерпнул из трудов И. Грабаря. Академик писал: «Одна особенность придает зодчеству новгородцев и псковичей совсем исключительное очарование: их здания не вычерчены по линейкам и угольникам, а как бы рисованы от руки. Как в общем контуре их, так и в каждой линии, в закруглении свода, в изгибе купола, в обработке оконного наличника, — везде чувствуется свободный, ничем, кроме вдохновения, не связанный рисунок, благодаря

¹ Владимир Владимирович Косточкин (1920–1992) — архитектор-реставратор, историк, искусствовед, специалист по древней русской архитектуре, автор книг и статей по истории крепостного оборонного зодчества; доктор исторических наук, профессор Московского архитектурного института; заместитель председателя президиума научно-методического совета по охране памятников культуры при Министерстве культуры СССР; Заслуженный архитектор РСФСР (1990).

² Зуров принципиально избегал словосочетания «псковский Кремль». «Не могу понять, почему работники псковского краеведческого музея стали называть дедовский Детинец — Кремлем. Весь народ — чудские и обозерские рыбаки, изборяне, островичи и эсты — с давних времен его почтительно и любовно величают Детинцем», — писал он В. И. Малышеву 26 декабря 1958 [5, с. 485].

Рис. 2. Кремль до реставрации (из книги И. Ларионова)

Рис. 3. Проект реставрации Кремля А. И. Хамцова
(из книги И. Ларионова)

которому в целом сооружении нет ни одного засушенного места, а все живет и радуется глаз» [2, с. 8].

Опасность такой «линейной» реконструкции псковского Крома побудила Зурова написать развернутые письма архитектору В. В. Косточкину (22 декабря 1958 г.) и археографу В. И. Малышеву (26 декабря 1958 г.). Поводом послужила книга краеведа И. Н. Ларионова «Архитектура Пскова. Социалистический и древний Псков», выпущенная Псковским областным краеведческим музеем в 1958 г.³ Эта книга, наряду с текстовым материалом, содержала множество фотографий, а также рисунок-проект реставрации кремля.

Зуров восхищается фотоснимком Кремля, сделанным до начала реставрационных работ, где на переднем плане видны устье Псковы, развалины Плоской башни

³ Иван Николаевич Ларионов (1892–1981) — краевед, художник, фотограф. Член комиссии по учету и изъятию церковных ценностей (1921–1922). В качестве инспектора по охране памятников участвовал в вывозе из бывших помещичьих усадеб и церквей Псковской губернии произведений русских и западноевропейских мастеров. Один из организаторов Творческого объединения псковских художников. В 1921–1938 гг. возглавлял Картинную галерею. В 1955–1963 — директор Псковского областного музея. Почетный гражданин города Пскова (1972). Автор множества научно-популярных статей и брошюр по истории и культуре Пскова. По воспоминаниям, это был «замечательный краевед, влюбленный в Псков человек».

и стен. Он делится с В. Косточкиным своими впечатлениями, облакая их в художественную форму: «Помещенная в альбоме современная фотография Детинца великолепна. Художники могут радоваться — в такой силе и славе живет возвышающийся над речными водами, потемневший за века, суровый, седой и в то же время и могучий Детинец. Какое счастье, что, несмотря на все бури и невзгоды, он уцелел. Все на этой фотографии изумительно — это как бы драгоценное полотно неведомого гениального художника. И дикие камни у вод, и суровый цвет рассыпавшихся башен и стен; поросшие за века травой, хрящеватые от плитняка крепостные скаты и белый под облаками собор» (Цит. по: [5, с. 487]).

Проект реставрации, автором которого был архитектор А. И. Хамцов,⁴ отображает вид Кремля с той же точки, на нем изображены полностью восстановленные стены, башни и Нижние решетки, все сооружения побелены. Этот рисунок породил негативный комментарий Зурова: «Не могу поверить, что псковские реставраторы решили разрушить Детинец, славящийся на весь мир суровой и мощной, как бы первою красотою своих развалин. <...> Псков — древнейшее место. Исторический заповедник. Разрушить его легко, а восстановить невозможно. Второго такого города нет. Ведь если приступить к реставрации стен и башен Детинца по проекту А. И. Хамцова (я не говорю о том, что необходимо укрепить стены и башни, сохраняя их “патину”, не налагая кричащих заплат), то надо снести остатки древних стен и башен, построить новые башни и стены. А потом архитектор уберет прочь все древние камни, почистит (под метелку) берег и склоны, покроет асфальтом тысячелетние тропинки, вымостит набережные, посеет газон, разобьет у собора клумбочки, посадит елки и цветочки. Устроит кинематографический городок. Страшно даже подумать. Нет больше псковского Детинца, а построен Кремль архитектора А. И. Хамцова» [5, с. 487–489].

Крайне обеспокоенный, автор письма переходит к обобщениям: «А если допустить подобную реставрацию, то завтра окрыленный успехом архитектор развалит стены Старой Ладоги, помолодит, как рождественского деда, Изборск, а на месте древних стен Копорской крепости заложит свой сказочный город. И будет все побелено, все заблестит на удивление. И люди скажут: это лубок. И будет умерщвлена и разрушена навсегда подлинная древность» [5, с. 489].

Зуров, таким образом, касается вопроса о методиках реставрации памятников. Напомним, что он имел право судить об этом и как практик: в 1935 г. он провёл реставрацию крыльца и звонницы монастырской надвратной церкви Николая Ратного Псково-Печерского монастыря,

Рис. 4. Л. Зуров у церкви Николая Ратного. 1935 г. (Лит. музей ИРЛИ)

⁴ Алексей Иванович Хамцов (1914–1994) — архитектор. С 1952 г. занимал должность главного архитектора в Центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры СССР. Был одним из авторов проекта реставрации стен и башен Московского Кремля.

возвратив ей древний облик. (Подробнее см.: [8, с. 26–31, 50–60, 234–243, 275–278, 314–317]). Как пример ненаучного, внеисторического подхода к восстановлению зданий Зуров приводит деятельность французского архитектора Виоле де Дюка, «самоуверенного и самоупоенного французского реставратора», которого «французские искусствоведы поминают недобрым словом» [5, с. 487–488]. Этот архитектор отстаивал принцип восстановления объекта «до завершенного состояния», которого оно могло никогда не иметь. (Образцом такой псевдореставрации стал упомянутый Зуровым замок Пьерфон, которому де Дюк придал различные черты разных средневековых сооружений). Именно де Дюку, по мнению Зурова, уподобился Хамцов, поскольку и он «подлинной, находящейся перед его глазами древности (и ее поэтического поистине вдохновенного величия) не видит, а чувства истории и древности, к величайшему сожалению, не имеет» [5, с. 489].

Письмо Зурова к Косточкину преследовало конкретную цель — остановить работы. Писатель настойчиво, эмоционально просит своего корреспондента обратиться в полномочные инстанции: «хотелось бы, чтобы Вы обратили внимание московских реставраторов на проект реставрации псковского Детинца. Спросите, пожалуйста, в институте их: обсуждали ли провинциальный проект реставрации в Ленинградской реставрационной мастерской? Видели ли этот проект профессор Игорь Грабарь (ведь он спас множество памятников материальной культуры), московские реставраторы и пользующийся мировой известностью профессор Лазарев? Пускай они посмотрят, как архитектор А. И. Хамцов хочет омолодить седой Псков» [5, с. 488].

Зуров имеет в виду Институт истории искусств Академии наук СССР, основанный в 1944 г.,⁵ и виднейших его сотрудников, безусловных авторитетов — Игоря Эммануиловича Грабаря и Виктора Никитича Лазарева, авторов блестящих работ по древнерусской культуре. С их трудами Зуров был хорошо знаком. В частности, ему наверняка был известен сборник «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР» под редакцией И. Э. Грабаря, вышедший в 1948 г. в издательстве Академии Наук СССР. Об этом говорит его фраза в письме к В. Малышеву: «В те времена часто печатали фотографии опустошенного Пскова (залитого кровью расстрелянных немцами на Торговище людей). Все видели уцелевшие памятники. Уцелевший (на зеленом берегу) Мирожский собор, что расписан фресками еще до основания Берлина. Все радовались — будут восстановлены улицы и посажены сады. Когда писали: утверждена комиссия по охране памятников зодчества, которая получила особенные права» [5, с. 483].

Зуров, как явствует из писем, полагал, что реализация проекта еще не началась («если приступить к реставрации... по проекту А. И. Хамцова» и др.). Однако в действительности к моменту их написания работы шли уже пятый год. 22 августа 1952 г. Совет Министров РСФСР выпустил Постановление № 1108 «О восстановлении и благоустройстве древних русских кремлей Новгорода и Пскова». Центральные научно-реставрационные мастерские Академии Архитектуры СССР приступили к работе. Были предложены два проекта: консервационный и полного восстановления. Они широко обсуждались на советах Академии архитектуры и Академии Наук СССР. В 1954 г. Коллегией Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР был утвержден проект А. И. Хамцова, представляющий собой графическую рекон-

⁵ В 1962 г. Институт истории искусств Академии наук СССР переведен в ведение Министерства культуры СССР и переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания. С 1995 г. — Государственный институт искусствознания.

струкцию Крома и Довмонтова города периода XVII века. Предусматривалось восстановление крепостных сооружений в полный профиль, а также благоустройство территории и музеефикация памятника.

В результате работ 1952–1956 гг. были восстановлены речной фасад псковского Кремля и большая часть фасада всей псковской крепости. Придавая кремлю первоначальный вид, реставраторы практически построили его заново. Это дает основания некоторым предъявлять упрек в том, что подлинные древние руины оказались заменены новоделом. Однако нынешний автор проектов и концепций музеефикации территории и объектов Псковского кремля И. И. Лагунин полагает, что такое решение было оправданным: «Если бы кремль не был восстановлен, мы бы сейчас “любовались” либо на стремительно разрушающиеся под открытым небом руины, либо на консервационные аморфные надкладки» [18].

В. Косточкин вскоре откликнулся на послание Зурова. Ответ его был лапидарен и неутешителен: «То, что Вы пишете относительно реставрации псковского Кремля по проекту архитектора А. И. Хамцова, совершенно справедливо. Однако не все думают так. В системе Академии Наук СССР имеется Научно-методический совет по охране памятников культуры, действительным членом которого являюсь и я. На этом совете вопрос о реставрации псковского Кремля и методической направленности реставрационных работ по нему ставился и обсуждался не раз. Многие с подобной реставрацией не соглашаются и думают так же, как и Вы. На месте же, в самом Пскове, думают иначе и решения Совета не всегда выполняют»⁶.

Рис. 5. Кремль. Современный вид

Обратимся теперь к письму Зурова к В. И. Малышеву⁷ от 26 декабря 1958 г., написанному через четыре дня после письма Косточкину. Судьба Детинца затронута и здесь, но главная тема его уже иная — опасность нарушения исторического облика древнего Пскова. И вновь поводом для полемики становится тот же альбом И. Ларионова. Но теперь уже не фотографии, а текст. Зуров приводит ключевые строки автора книги: «Необходимо отметить, — пишет он (И. Ларионов. — *А. Л.*) относительно реставрационных работ, произведенных после войны в разоренном древнем Пскове, — что в это время ряд архитектурных “теоретиков”, пользуясь почти полным разрушением Пскова, предложили и пытались восстановить город с полным подчинением его архитектуры <и жизни> сохранившимся древним памятникам с восстановлением исторических тропок, улочек и переулков. Появились ошибочные, порочные проекты <деревянного двухэтажного Пскова “с погребницами”>. Но в последующие годы жизнь областного центра внесла свои коррективы в развитие и планировку города. <Прежде всего> появились широкие магистрали и площади, дающие одновременно

⁶ Письмо В. В. Косточкина Л. Ф. Зурову от 19 февраля 1959 г. Дом русского зарубежья. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 49. Л. 29.

⁷ Владимир Иванович Малышев (1910–1976) — известный археограф и историк древнерусской литературы, тридцать лет проработавший в Пушкинском Доме. В 1949 году основал там Древлехранилище — ныне всемирно известное собрание древнерусских рукописей, насчитывающее 11 000 единиц и носящее имя своего создателя.

вести многоэтажную застройку...» [5, с. 482].

Зуров делится с Малышевым своими ожиданиями, которым, как он понял, не суждено осуществиться: «После окончания войны искусствоведы с величайшей радостью узнали, что в советской печати опубликованы статьи, в которых сказано, что древние разоренные немцами города будут восстановлены с любовью, большим вниманием к характерным особенностям этих городов и что для восстановления будут привлечены ученые — реставраторы, искусствоведы, историки, то есть люди, не только обладающие знанием, но и наделенные творческим чутьем, любящие и чувствующие русскую древность»; и приводит восторженные слова одного из искусствоведов: «В древних городах будут восстановлены не только потерпевшие памятники зодчества, но и отстроены невысокие, не закрывающие древних церквей дома, сохранены древние жизненные артерии — улицы, переулки, и на малых тихих площадях, как в древних городах Италии, на радость всем будут красоваться памятники зодчества. Будут сохранены “лавицы” на Пскове — переходы и ведущие к воде, проложенные за тысячелетие спуски. Все будет сделано, и изумительный город — северная жемчужина — с древним Запсковьем и Завеличьем станет не только всенародной, но и мировой гордостью. Живой заповедник. И люди, приезжие, очутившись на зеленом берегу Великой, поблагодарят тех, кто для народа эти места любовно сохранил» [5, с. 482–483].

Из письма видно, что Зуров был знаком с публикациями в советской прессе и хорошо осведомлен о деятельности по охране памятников, в том числе и в Пскове. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 1 ноября 1945 г. «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР», Псков вошел в число городов, подлежащих первоочередному восстановлению. Генеральным планом развития Пскова, утвержденным Совмином РСФСР в 1945 г., было предписано «сохранить его как крупный памятник древнерусского зодчества, город русской славы, город-музей, добиться органического единства между исторически сложившимися ансамблями и новыми постройками» [20, с. 49], предусматривалось «восстановление улиц и площадей города в первоначальном историческом виде, создание охранных зон у отдельных памятников и их комплексов, свободных от новой застройки» [20, с. 124]. Большое внимание уделялось псковским древностям и в Постановлении Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры».

Зуров теряется в догадках, отчего все эти планы рухнули: кто-то «сорвал творческую работу, о начале которой в газетах писали столь горячо. Что же там произошло? Кто на древнем месте, политом кровью расстрелянных немцами псковичей, приказал построить (у стены Детинца) кинотеатр? Почему древний Псков не получил право на подлинное научное восстановление? Почему ему отказано в том, в чем не отказано Мюнхену и Нюрнбергу?...». И далее в том же письме: «Предложенный псковскими архитекторами отвергнутый проект был умный, талантливый — как живой заповедник сохранить древний город с его улицами, переулками, поросшими травой площадями, невысокими деревянными домами, не закрывающими памятники древнего зодчества». И теперь новые градостроители идут походом на древность, «вооруженные линейкой, желая по своему вкусу перестроить все и так перестроить, чтобы древние памятники <...> потеряли свою органическую прелесть <...> Когда я прочел статью Ларионова, мне стало больно. Я себя спросил: почему во Пскове

умный и талантливый проект — сохранить древний город — был отвергнут?» [5, с. 483–485].

Ответ находим в обстоятельной монографии А. В. Филимонова [20]. У властей возобладала идея построения Пскова как «нового социалистического города». Руководитель Псковской реставрационной мастерской Ю. П. Спегальский, активный сторонник создания архитектурных заповедников и охранных зон, был обвинен в пристрастии к старине и в июне 1947 г. освобожден от занимаемой должности. Генплан 1945 г. был подвергнут уничижительной критике. 7 апреля 1953 г. псковские обком партии и облисполком направили в ЦК КПСС письмо, в котором разработки Генплана признавались неприемлемыми, в частности, высказывалось неудовольствие доминированием памятников церковной архитектуры, признана порочной идея заповедных зон с одноэтажной застройкой [20, с. 61]. Вот почему в Пскове так и не были воссозданы элементы древнерусского города. Таким образом, И. Ларионов в своем альбоме лишь повторил тезисы, изложенные партийными органами пятью годами ранее.

Несколько раз в письмах Зурова упомянут кинотеатр «Октябрь». Построенный в 1958 г. в историческом центре Пскова, рядом с Детинцем, он стал символом новой градостроительной политики. Те, кто воздвигли здесь здание кинотеатра, пишет Зуров, «самым жесточайшим образом пошли походом на древность» [5, с. 483]. Спустя полвека встал вопрос о сносе постройки. «Пресловутое здание, приговоренное в последнем Генплане развития города к сносу, в полной мере стало выполнять те задачи, которые были поставлены при его строительстве, — активно прикрывать панораму Крома со стороны главной площади и противостоять главному духовному центру города идеологически. Нет сомнений, что с обеими задачами нынешний “Октябрь” справляется успешно», — с горьким сарказмом замечает И. И. Лагунин [11]. «Во всех отношениях кинотеатр “Октябрь” в Пскове как бельмо на глазу, — вторит ему историк-краевед Е. Матвеев. — Кинотеатр заслоняет вид на жемчужину города — Кремль и Троицкий собор» [9].

Рис. 6. Кинотеатр «Октябрь». 1960-е гг.

* * *

Три года спустя эта тема возродилась в переписке Зурова с соотечественниками, правда, уже не с учеными, а с литераторами – Л. Раковским и Н. Смирновым. С обоими Зуров вел на протяжении 1960-х годов дружескую переписку. Выбор адресатов, с которыми делится размышлениями об истории и восстановлении древнего Пскова, не случаен: Леонтий Иосифович Раковский — известный исторический романист, Николай Павлович Смирнов — прозаик, критик, вел активный диалог с литературным зарубежьем, публиковал работы о Бунине. Оба были корреспондентами Веры Николаевны Буниной вплоть до ее кончины. Смирнов прислал Зурову несколько книг по истории искусства, вышедших в СССР на рубеже 1960-х гг. Эти книги побудили Зурова вновь вспомнить о родном для него Пскове, поделиться своими размышлениями по поводу прочитанного.

Письма к двум адресатам, написанные с разницей в 10 дней, сходны по содержанию, ключевые фразы повторяются в них буквально. К этому времени Зуров уже убедился, что близкие ему проекты реставрации остались неосуществленными. Уви-

дев фотографию частично восстановленного Крома в книге К. Корнилович «Из Летописи русского искусства» (1960), он горестно восклицает: «Как я отстаивал Детинец! <...> Но победила линейная тактика. А какое очарование исходило от этого единственного на земле места. Много я видел в Европе знаменитых развалин, но второго Детинца не нашел. Но разве мэтрам линейной тактики это можно объяснить? Они своих древних памятников по-настоящему не видят и не ощущают. Горечи полно сердце. Переживаю это весьма болезненно. А сколько было надежд. Вот так и губят изумительные места» (письмо к Л. И. Раковскому от 30 января 1961 г.) [6, л. 12 об.]. В письме к Н. П. Смирнову от 10 февраля 1961 г. он предлагает сравнить фотографии Детинца — до реставрации (из альбома Ларионова) и восстановленного (из книги В. Корнилович). Автор книги, сокрушается Зуров, «даже не заметил, что изумительный до реставрации Детинец (века хранили его) во время реставрации изуродован и частично умерщвлен, к великому горю людей, любящих древность» [7, л. 58 об.].

Рис. 7. Кремль (из книги В. Корнилович). 1960 г.

Сокрушается Зуров и по поводу разрушения городской исторической среды: «Теоретики пошли походом на древность, желая ее подогнать под свои новостройки. <...> Доктор из Оксфорда, что проезжал в прошлом году через Псков, мне в Париже сказал: “Древние памятники Пскова больше не связаны с городом”» [6, л. 12 об.].

Интересны оценки Зурова советских научно-популярных трудов по древнерусскому искусству, авторских трактовок и стиля изложения. Книгу К. Корнилович Зуров прочитал внимательно и предъявил автору ряд претензий: «Весьма легкомысленно К. Корнилович гуляет по древним местам. Он кое-что прочел, сам везде побывал, но художественной интуицией не обладает. Весьма снисходительно поглядывает он на древность и на отошедшее» [7, л. 57]. Древних памятников «автор не чувствует. Ему чужда строгая и вдохновенная простота. Он не видит их силы и красоты. Не знает, что простота эта совсем не простая» [7, л. 58]. В том же письме к Н. П. Смирнову Зуров на двух машинописных страницах приводит неудачные, на его взгляд, и просто неграмотные суждения автора («горожанин чувствовал себя ничтожной песчинкой пред лицом божества и князя» и т. п.) и делает вывод: «Древнее искусство Корниловичу не по плечу. От народного искусства он оторван, и этот отрыв позволяет ему легкомысленно и ветрогонно гулять. Корнилович даже не познакомился с основными трудами, посвященными новгородскому зодчеству. Личные его высказывания художественной ценности не имеют. Чувства автора недоразвиты» [7, 58 об.].

Автором книги была искусствовед Кира Викторовна Корнилович (инициалы не были раскрыты, так что Зуров пишет об авторе в мужском роде). Претензии Зурова в целом можно признать справедливыми. В монографии воплощен приземлено-социологический подход к культуре. По мнению автора, ценно то искусство, которое «стало на путь сближения с жизнью» [10, с. 160], художники-граверы «подтачивали основы религиозной живописи» [10, с. 163], достоинство Симона Ушакова в том, что он «ин-

тересовался и знал анатомию человеческого тела и справлялся с передачей сложных ракурсов» [10, с. 188–189], и в целом русское искусство отставало от Запада, «где свободный человеческий дух давно уже боролся с церковной догмой» [10, с. 164].

Возникает в переписке и имя известного исторического романиста Антонина Ладинского. О его очерке «В древнем Пскове», напечатанном в газете «Русские новости» в январе 1961 г. [12], Зуров отзывается весьма резко. Претензий две: автор не заметил, что Детинец изуродован реставрацией; автор одобряет восстановление «по линейке»: «Порча величайшего памятника древности происходила среди бела дня, на глазах у всех. И линейную тактику расхваливали борзописцы типа Ларионова, хвалит ее и Ладинский, который в августе побывал во Пскове и фельетон которого недавно был опубликован в парижской газете. Горько писать об этом» [6, л. 13]; «При беседах с Ладинским меня всегда поражало, до чего он не чувствует города, в котором родился» [7, л. 58 об.].

Думается, Зуров отнесся к очерку с известной долей предвзятости. Напомним: поэт, прозаик, критик Антонин Петрович Ладинский (1896–1961) — писатель-эмигрант, с 1924 жил в Париже. В 1946 году получил советское гражданство, в 1955-м вернулся в СССР, стал членом Союза писателей. Публиковался в парижской про-советской газете «Русские новости». В августе 1960 г. посетил Псков. «Сжимается сердце, когда приедешь в родной город после пятидесятилетней разлуки», — так начинается он свой очерк. С любовью и неподдельным интересом, в приподнято-романтическом стиле описывает древние памятники. Приметы современной, советской жизни города сведены к минимуму. Автору ближе и дороже история: он упоминает старца Филофея, неизвестного составителя «Толковой Палеи», пресвитера Иосифа. Описывает богослужение в Троицком соборе. С удовлетворением отмечает развернувшиеся в городе реставрационные и археологические (раскопки в Довмонтовом городе) работы: «Очаровательные церкви, хотя и весьма пострадавшие от гитлеровцев, теперь восстанавливаются в первоначальном своем виде. Реставрируется Кремль». Споры о методах реставрации автор, конечно, не касается. Когда все будет восстановлено, «Псков превратится в сказочной красоты город, и туристы хлынут в него тысячами» [12]. Несомненно, эта фраза покорила Зурова, противника «сказочной» декоративности.

Вновь возникает в переписке Зурова с соотечественниками имя И. Ларионова. На этот раз как автора книги «Легенды озера Чудского, преданья Псковской старины» [14]. Зуров отказывает ей в языковых достоинствах: «Прочел я книжку Ларионова и спросил себя: а где же народная речь? Где изумительный язык Обозерья, Причудья, Изборского края?» (из письма В. Малышеву от 7 июля 1960 г.) [5, с. 502]. В письме к Л. Раковскому имеются и более сильные строки: «Ужас, ужас. В 1959 г. И. Ларионов выпустил исключительно фальшивую книжку <...>. Ведь я слышал от крестьян эти легенды. Что с ними Ларионов сделал! Так он расправился и с древним Псковом» [6, л. 13].

Зуров, памятуя о Псковском альбоме Ларионова, воспринял книгу чересчур критично. В действительности эта небольшая брошюра исполнена неподдельной любви к псковскому краю, его памятным местам, преданиям, она наполнена духом русской героики, искренним патриотизмом. Ларионов ставил перед собой задачу «сохранять подлинность повествования, аромат народной устной поэзии» [14, с. 4], которую реализовал, может быть, не очень искусно, но искренне, вот образец его стиля: «Опуска-

ла ночь свое звездное покрывало на уснувшую красавицу-землю. Вся природа замирала, предчувствуя долгожданный отдых. Готовились к покою и две речки-сестрицы, чтобы подняться завтра поутру...» [14, с. 41].

Зато весьма высоких оценок Зурова удостоился археолог, историк Н. Н. Воронин⁸ за книгу «Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства» (1960): «Воронин талантлив, умен. Культурный человек. Наделен он не только художественным дарованием, но и обладает большим вкусом. Его книга смело может поспорить с европейскими художественными монографиями. <...> Он любит свое дело. Это его подлинное призвание. Сколько приходится читать выхолощенных безликих научных работ немецко-протестантского типа!» [7, л. 56 об. 57]. Действительно, Н. Воронин преследовал благородную цель, обращаясь с призывом к защите и охране древнерусской культуры. Но в книге слишком заметен отпечаток недавней эпохи: она полна социологических схем, советских штампов («большие храмы поддерживали мысль о могуществе феодалов», «в среду церковных тем проникают отклики социальных конфликтов» [1, с. 34, 35] и т. п. Язык брошюры сухой, наукообразный. Как и труд Корнилович, книга Воронина лишена даже намеков на духовный смысл храма, иконы. Для рубежа 60-х годов такие сочинения были уже уходящей эпохой. Если говорить о популярном жанре, то спустя несколько лет выйдут, например, книги В. Солоухина «Письма из Русского музея» (1966), «Черные доски» (1968), в которых очевиден уже иной уровень понимания сути и смысла иконописи. Но Зурову, очевидно, импонировали призывы Воронина к бережной реконструкции старинных городов, продуманному включению памятников в новую застройку, а также мысль о недопустимости восстановления любых руин в «первоначальном» виде, превращающего их в «никому не нужные и дорогостоящие подделки» [1, с. 43].

Наконец, краткой, но почетной характеристики Зурова удостоилась книга-альбом А. Т. Ягдовской «Андрей Рублев». Она «прекрасно написана <...> Автор обладает творческой интуицией, знаниями, тонким вкусом. Искусствоведы книгу хвалят, но все говорят, что репродукции сделаны на редкость плохо, обложка серая. Жаль» [7, л. 57].

В ответных письмах российские литераторы выразили свою солидарность с Зуровым. Л. Раковский в письме от 2 мая 1961 г. рассказывает о своей поездке в Псков: «Над Приказной палатой — вывеска кассы кинотеатра. И кино тут же, против моста, справа, большое здание непонятного стиля. <...> Я понимаю все Ваше возмущение и всю горечь по поводу безразличия, которое проявляют архитекторы к нашим древностям» [6, л. 1 об.].

Позиция Зурова, высказанная в частных письмах трем-четырем корреспондентам, неожиданно стала достоянием миллионной читательской аудитории самого популярного тогда советского журнала — «Новый мир». Зуров делился своей точкой зрения с окружающими, в частности, убедил в своей правоте Веру Николаевну Бунину. Она написала литератору Н. П. Смирнову 19 января 1961 г.: «Тяжело он <Зуров. — А. Л.> переживает реставрационные работы в псковском Детинце. Я с ним согласна. Детинец изуродовали неправильной реставрацией. Восстанавливать башню было нельзя. Об этом шли в Париже долгие разговоры. Сейчас стыдно показать

⁸ Николай Николаевич Воронин (1904–1976) — советский археолог, один из крупнейших специалистов по древнерусской архитектуре. Автор капитального двухтомного труда «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв.» (1961–1962).

фотографию реставрированного Детинца искусствоведам. Во Франции прощают все, но только не отсутствие вкуса» [17, с. 228–229]. Это письмо было опубликовано в третьей книжке «Нового мира» за 1969 г. Познакомившись с публикацией, этим вопросом заинтересовался, в частности, В. И. Белов, обратившийся за разъяснением к Н. П. Смирнову: «В одном из писем Веры Николаевны говорится о плохой реставрации псковского Детинца. Хотелось бы знать, что имелось в виду? В чем искажения реставраторов?»⁹.

В контексте нашей темы уместно обозначить и другие принципиальные позиции Зурова по отношению к артефактам древности. Это неразрывность связи памятника с пейзажем, с историческим местом, где он был построен; неприемлемость практики перевозки храмов в музеи под открытым небом; недопустимость подчинения интересам туристического бизнеса. Эти мысли высказаны им в письме к литературоведу А. К. Бабореко от 10 мая 1960 г. Зуров делится впечатлениями от книги В. Солоухина «Владимирские проселки» и в целом дает ей высокую оценку. Однако он не согласен с предложением автора перенести старинную церковь в доступное для экскурсий место: «Памятники культуры должны оставаться на древнем месте, в своем родном пейзаже, — на той земле, на которой он народом и был возведен. Глотовский памятник — украшение края. Историческое место нельзя обеднять, думая лишь о туристах (этих туристов развелось повсюду за последнее время тучи, они на Западе все древние места затоптали, развратили мальчишек и население этих мест, на глазах <все> изменилось. Были люди, а превратились в жадных торгашей. За каждую травинку хотят вырвать деньги). Сейчас относительно перенесения памятников культуры на иные места (более доступные для туристов) во Франции серьезно спорят. В Норвегии я видел музеи на открытом воздухе. Там собраны образцы деревянного древнего зодчества. Доход большой, но, откровенно говоря, мертвы эти музейные деревни. Радостно после такого музея увидеть древнюю живую избу на берегу озера»¹⁰.

В данном случае Зуров выступает как идеалист, незнакомый с советскими реалиями тогдашней эпохи. Альтернативой переносу храма была неизбежная гибель памятника. И Владимир Солоухин был обеспокоен не столько доступностью церкви, сколько ее сохранением: «Осенние дожди насквозь пробивают изъеденную желтым лишайником крышу глотовской церковки. Она истлевает на корню, а когда истлеет, не останется второй такой во всей России. <...> Глотовская церковь, перенесенная из глуши в более доступное место, могла бы сделаться объектом многочисленных экскурсий и туристских походов. Созданная безыменными мастерами, она создана как бы самим народом, она фольклор, и относиться к ней нужно как к фольклору. Былину можно издать большим тиражом, а церковь одна, ее можно лишь беречь и хранить» [19, с. 306]. В 1960 г. храм перенесли в Суздаль.

* * *

Итак, Зуров подходил к вопросам реставрации как профессионал, прекрасно знакомый с культурой Псковского края и его городов. В центре его размышлений — методы восстановления Псковского Кремля как памятника художественной куль-

⁹ Цит. по: [15, с. 281]. Вопрос о том, обсуждалась ли эта тема в кругу российских писателей, весьма интересен, но выходит за рамки данной статьи.

¹⁰ Письмо Л. Ф. Зурова к А. К. Бабореко от 10 мая 1960 г. Дом русского зарубежья. Ф 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 36. Л. 7.

туры, духовной и политической истории. Возможно, специалистам взгляды Зурова покажутся излишне радикальными, какие-то его положения можно оспаривать. Но данная переписка интересна и по другим причинам. Прежде всего она характеризует личность большого русского писателя, душой болеющего за отечественную культуру. Зная, что никогда уже не увидит стены родного Пскова, он тем не менее увлеченно, заинтересованно обсуждал проблемы его возрождения. По количеству полученных из Советской России книг, статей по истории, археологии, архитектуре, живописи Зуров, думается, находится на первом месте среди эмиграции. Его письма позволяют судить о восприятии русским зарубежьем трудов культурно-исторической тематики, выходявших в СССР в послевоенные десятилетия. В свою очередь, фигуры адресатов Зурова — В. Малышев, В. Косточкин, Н. Смирнов, Л. Раковский и другие — являются знаковыми для российской науки и литературы, их ответы важны для уточнения их биографии, научных и эстетических взглядов.

В настоящей работе мы рассмотрели круг писем, причастных к теме Пскова. В своем обширном эпистолярии Зуров касался множества других памятников русского зодчества и археологических артефактов, вопросов реставрации и сохранения исторической среды городов и поселений. Неизменными оставались требования, которые Зуров предъявлял к людям, так или иначе прикасающимся к миру древнерусской культуры, будь то ученый-историк, реставратор, археолог или писатель. Наряду с профессиональным знанием эпохи, фактов, владением своей специальностью для ученого важна способность к интуитивному постижению предмета, укорененное в генах «ощущение», «чувство» древности, а также безупречный художественный вкус.

Призывы, размышления, аргументы Зурова приобщают его к явлению, которое в наши дни получило название «экология культуры». Его мысли оказались созвучны зарождавшемуся в те же годы в России общественному движению по охране древностей. В полную меру эта деятельность развернулась в середине 1960-х гг., когда по инициативе писателей, художников, историков было учреждено в 1965 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Можно с уверенностью утверждать: никто из писателей эмиграции не принимал столь близко к сердцу судьбу памятников русской старины. Зуров жил Россией и болел за нее. Приведенные письма лишней раз подтверждают правоту слов его биографов: Зуров не «эмигрантский писатель», он прежде всего и в полном смысле слова — русский писатель.

Литература

1. Воронин Н. Н. Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства. М: Искусство, 1960.
2. Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. I: Архитектура. М.: Издание И. Кнебель, [1910].
3. Громова А. В. «Город при слиянии двух рек...»: образ Пскова в прозе В. А. Каверина и Л. Ф. Зурова // Пушкинские чтения — 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XX Международной научной конференции. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2015. С. 169–177.
4. Жихаревич А. Девять жизней Леонида Зурова // Псковское агентство информации. Дата публикации: 07.11.2014. [Электронный ресурс]: URL: <https://informpskov.ru/news/159862.html> (дата обращения: 07.02.2020).

5. «Знаю, что вы любите древний Псков». Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева (1957–1971) / Публикация А. М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М., 2016. С. 441–517.
6. Зуров Л. Ф. Переписка с Л. И. Раковским (1961–1965). Архив Дома русского зарубежья (далее — ДРЗ). Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 100. Л. 1–13 об.
7. Зуров Л. Ф. Переписка с Н. П. Смирновым (1959–1971). ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 105. Л. 1–59.
8. Зуров Л. Ф. Статьи и письма / Ред.-сост. А. Ю. Пономарев. М., 2014. (Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л. Ф. Зурова; Вып. 1).
9. Кинотеатр «Октябрь» как бельмо на глазу, считает псковский краевед // Псковское агентство информации. Дата публикации: 19.10.2009. [Электронный ресурс]: URL: <https://informpskov.ru/news/55942.html> (дата обращения: 07.02.2020).
10. Корнилович К. В. Из Летописи русского искусства. Л. — М.: Искусство, 1960.
11. Лагунин И. И. Псковский Кром, Довмонтов город, Консистерия... // Псковская лента новостей. Дата публикации: 05.10.2006. [Электронный ресурс]: URL: <https://pln-pskov.ru/print/34180.html> (дата обращения: 07.02.2020).
12. Ладинский Ант. В древнем Пскове // Русские новости. 1961. 20 янв., № 816. С. 2.
13. Ларионов И. Н. Архитектура Пскова. Социалистический и древний Псков. Псков: Изд-во газ. «Псковская правда», 1958.
14. Ларионов И. Н. Легенды озера Чудского, преданья Псковской старины. Псков: Изд-во газ. «Псковская правда», 1959.
15. Перхин В. В. Русские литераторы в письмах (1905–1985): Исследования и материалы. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.
16. Пиккиев И. Реставрация Псковского кремля // Советская культура. 1958. 31 мая, № 66. С. 3.
17. Письма В. Н. Буниной <к Н. П. Смирнову> / Публикация и комм. Н. П. Смирнова // Новый мир. 1969. № 3. С. 209–230.
18. Псковский кремль — музей истории, архитектуры и... реставрации (С И. И. Лагуниным беседует О. Миронович) // Псковская правда. Дата публикации: 25.08.2005. [Электронный ресурс]: URL: <https://old-pskov-today.livejournal.com/468921.html> (дата обращения: 07.02.2020).
19. Солоухин В. А. Владимирские проселки // Собр соч.: в 4 т. М.: Худ. лит-ра, 1983. Т. 1. С. 215–432.
20. Филимонов А. В. Поднятый из руин. Послевоенное восстановление и развитие Пскова (1944 — начало 1950-х гг.). Псков: ГП «Псковская областная типография», 2008.

Об авторе

Любомудров Алексей Маркович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Россия.
E-mail: anketaspb@yandex.ru

**«THEY ATTACKED THE ANTIQUITY IN THE MOST CRUEL WAY».
L. F. ZUROV ABOUT THE PROJECTS OF RESTORATION AND URBAN
DEVELOPMENT OF PSKOV IN THE POST-WAR PERIOD**

The paper analyses L. F. Zurov 's views on the methods of restoration of the Pskov Kremlin as well as the creation of historical protection zones in the old city. His views are revealed in his correspondence with some Soviet scientists and writers. The article is based on the archival materials some of which are introduced into scientific activities for the first time. Zurov also estimates books about ancient Russian art that were published at the turn of the 1960s.

Key words: *Russian abroads, ancient Russian architecture, restoration of monuments, L. F. Zurov, V. I. Kolshev, V. V. Kostochkin, L. I. Rakovsky, N. P. Smirnov.*

About the Author

Alexei Lyubomudrov — Dr. Hab. of Philology, leading researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: anketaspb@yandex.ru